

подробное и в общем и целом верное описание Вавилона и его храмов, которые являлись творениями этого царя.

Посмертное издание труда Эдвина Арвидовича Грантовского является большим событием в изучении истории и культуры древних иранцев. Он, как и другие работы этого первоклассного ираниста и замечательного человека, основан на превосходном знании огромного фонда разноязычных письменных памятников и археологических источников и их тонком и щепетильно добросовестном анализе с критическим учетом всей соответствующей иранистической, классической и ассириологической литературы, включая также старые публикации.

М.А. Дандамаев

© 1999 г.

F. PINA POLO. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik (Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien; Bd 22. Hrsg. von G. Alföldy). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 216 S.

Демократия и свобода слова – понятия тесно связанные. В Риме Поздней республики, в эпоху, когда политическая борьба достигла крайнего накала, а искусство публичной речи – расцвета, естественно искать черты, которые могут быть истолкованы как элементы демократического устройства. Поэтому интерес к ораторскому искусству I в. до н.э. не только как к культурному, но и политическому феномену не ослабевает в историографии. Отражением этого интереса является книга испанского исследователя, профессора Сарагосского университета Ф. Пина Поло. Роль свободного слова в Римской республике, в которой сила публичной речи, ее влияния на народ могла быть противопоставлена открытому насилию, и процессы, приведшие к утрате важнейшей из политических свобод, – в центре внимания автора. Цитата из Цицерона (Cic. Fam. XII. 22.1) не случайно вынесена им в заглавие книги «Словом против меча» – такова была, по мнению Ф. Пина Поло, альтернатива политической жизни эпохи Поздней республики, когда явственно обнаружилось противоборство двух способов убеждения – силой слова и силой оружия.

Книга состоит из введения, шести глав основной части и заключения. В конце ее приведены просопографические таблицы, дан список использованной автором литературы, включающий более 300 названий, приложены указатели понятий, имен, цитируемых источников. Глава первая – «Политика и свобода слова» (параграфы: «Демократия и участие народа в политической жизни», «Равноправие и свобода слова», «Ораторы и слушатели в Афинах и Риме», «Публикация и распространение текстов речей»; вторая – «Политические ораторы» (параграфы: «Privati в роли ораторов в народных собраниях», «Посредники в народных собраниях», «Producere in contionem», «Плебейский трибунал и contiones», «Эпоха специалистов: imperatores, солдаты и юристы», «Судебные и политические ораторы»); третья – «Учение риторики» (параграфы: «Novitas и риторика», «Реакция аристократии: цензорский эдикт 92 г.», «Политик-оратор – идеал Цицерона»), четвертая – «Contio locus invidiae est» (параграфы: «Слухи как орудие политической борьбы: subrostrani и susurratores», «Invidia и народные собрания в речи Цицерона "В защиту Клуенция"», «Цицерон и contiones»), пятая – «Contio locus seditionis est» (параграфы: «Политическое влияние plebs urbana и plebs contionalis», «Руководящая роль элиты», «Политические цели мобилизации народа»), шестая – «Словом против меча» (параграфы: «Слово и меч после мартовских ид», «Убеждающая мощь Октавиана»). Выводы как книги в целом, так и отдельных ее разделов суммированы в «Заключении».

Оглавление обнаруживает замысел автора: от краткого вводного экскурса в теоретические проблемы политического устройства Поздней республики, сравнительной характеристики роли и места устного слова, публичной речи в Риме и Афинах (гл. 1) он переходит к анализу конкретных данных о политических ораторах последней трети II–I вв. до н.э., характеристике их статуса (гл. 2) и социального состава (гл. 3), рассматривая затем речь перед народом как элемент стратегии римского политика, как средство усиления его

влияния, а также пути и методы осуществления последнего (гл. 4 и 5). В конце книги (гл. 6) показано, как ораторское искусство было вытеснено из сферы политики будущим императором Августом, по иронии судьбы ловко использовавшим свое умение говорить перед народом и те возможности, которые предоставляла в республиканском Риме свобода слова, именно для ее подавления.

Уже из беглого обзора содержания работы явствует, что в качестве основного поля, где политическая борьба могла вестись изустно, автор рассматривает *contiones*¹ – единственный вид собрания в Риме, в котором законодательно допускалось обращение к народу с речью. Именно сходки составляют предмет давнего интереса Ф. Пина Поло, автора ряда статей и монографий, посвященных этому виду народного собрания². Обращает на себя внимание и широта привлекаемых источников: среди них оказывается не только наследие Цицерона (на анализе некоторых из его речей автор останавливается в книге специально), но и источники мало известные и редко используемые.

В начале работы автор справедливо подчеркивает, что одна из наиболее важных черт демократии (пожалуй, даже более существенная, чем право избирать и быть избранным) – это право участия граждан в принятии политических решений и в еще большей степени то значение, которое сам народ придает этому участию. Институты и механизмы, призванные его обеспечить, существовали в Афинах V–IV вв., но не в Риме I в. до н.э. – таков итог поиска демократических черт в политическом устройстве Поздней республики, занимавшего У. фон Любтова, А. Альфельди, К. Николе, Ф. Миллара, Дж. Норта, Э. Линготта. Обзор основных трактовок этого вопроса (гл. 1) привлекателен своей краткостью и емкостью. Законодательная инициатива принадлежала в Риме исключительно элите; собрание граждан могло принимать или отвергать ее предложения, но даже порядок их обнародования не был известен заранее: повестка дня не утверждалась, темы выбирались по усмотрению магистратов. Выступать в собрании рядовые граждане не могли – в Риме существовала своего рода монополия на слово, свободой которого обладали лишь сенаторы. Пассивность народа осящалась *mos maiorum*, попытки активизировать слушателя, например, путем обращения к нему с вопросами (*interrogare contionem*) не приветствовались. Пространственное положение говорящего по отношению к слушающим фиксировало его превосходство, символически выражая и специфику римского политического строя: где бы ни проводились сходки – у ростр или, реже, у храма Кастора и Беллоны, на Капитолии, в цирке Фламиния – оратор всегда возвышался над внимающими ему, стоя на рострах, подиуме, трибуне. Показательно, что модель выступления *e superiore loco* была перенесена римлянами и в покоренные города Средиземноморья (в том числе греческие, где прежде ораторы говорили на афинский лад *ἐν μέσῳ*). Народ, однако, признавался безусловным партнером в этом своеобразном «диалоге» – само признание необходимости обращения с речью к гражданам, собравшимся на сходку, свидетельствует о признании их (независимо от их количества) представителями всего *populus Romanus*.

Публичное выступление в *contiones* было окружено религиозным ореолом, будучи одновременно действенным инструментом контроля со стороны общественного мнения и неизменно односторонним каналом информации, шедшей исключительно сверху вниз. Само слово «оратор», происходящее от глагола «*orare*» («обращаться к богам»), имплицитно включало в себя сакральный смысл. Обычай проводить сходки у храма (*templum*) и открывать их особой молитвой, произносимой создавшим собрание магистратом, усиливал религиозное восприятие речей, звучавших перед народом. Обладание *auctoritas* было необходимым условием для оратора: это трудно переводимое, чисто римское понятие предполагало молчаливое принятие политика, признание его более высокого положения, легитимированного харизматическим характером власти и не столько индивидуальными качествами говорящего, сколько его принадлежностью к аристократии. Зеркальное отражение *dignitas* и *fama* господствующего слоя – то, что в первую очередь ожидалось от народа в собрании. Информация, предоставляемая народу, содержалась не только в сообщениях о постановлениях сената, эдиктах, проведении цензов и т.п., но и произвольно извлекалась из докладов триумфаторов об их славных деяниях, из публичных речей по умершим, из клятв и заверений, произносимых магистратами перед началом и по истечении срока полномочий. Не только укрепление собственной репутации, но и подрыв репутации соперников и конкурентов был возможен в *contiones* благодаря дискуссиям и кампаниям против того или иного политического деятеля, разжигаемым в собрании. В политическом механизме республики,

¹ *Iudicia publica* он исключает из своего исследования.

² *Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.*

таким образом, выступления на сходках служили прежде всего созданию имиджа как элиты в целом, так и отдельных сенаторов.

Идея прерогатив элиты на публичное слово красной нитью проходит через анализ просопографических данных о политических ораторах эпохи Поздней республики. Основанная на нем вторая глава относится к числу наиболее интересных в книге. Тщательность подбора данных и осторожность, с которой автор обращается со статистическими выкладками, делая оговорку, что сохранившаяся информация неполна и может быть использована лишь с оглядкой, делает главу особенно привлекательной. К сожалению, Ф. Пина Поло ограничивается лишь собраниями, имевшими явное политическое или законодательное значение; *contiones* перед *iudicia populi*, по поводу *laudationes funebres*, *de triumpho* и *consecrationes bonorum* не учитываются вовсе³. Тем самым существенное общее наблюдение о роли речи перед народом для создания образа политика не получает в этой главе развития. Идея восприятия речи в религиозном свете и монополии элиты на слово, однако, обосновывается и раскрывается во всей полноте.

При чтении раздела важны таблицы, помещенные в приложении (с. 178–192). Основными являются две – *privati* (1) и магистраты (2) в роли ораторов в народном собрании. Первая таблица содержит сведения о дате проведения сходки, ее характере (законодательном или политическом), созвавшем ее магистрате и частном лице, обращавшемся к народу. Сводка в конце таблицы систематизирует данные о карьерных успехах ораторов к моменту их выступления. Вторая имеет обобщающий характер и представляет собой перечень имен, магистратур и дат произнесения речи. В последующих таблицах информация эта детализируется: читатель может найти сведения о выступавших в собрании хотя бы раз плебейских трибунах (табл. 3), консулах (4), преторах (5), квесторах и эдилах (6), цензорах, диктаторах и триумвирах (7). Таблица восьмая представляет собой сводку данных о лицах, многократно выступавших в собраниях.

Любопытен итог: всего известно 90 ораторов, выступления которых можно считать политическими. Из 60 случаев произнесения речей на сходках частными лицами в 40 ораторами были консуляры, в 20 – экс-магистраты, бывшие в том числе и членами жреческих коллегий. Пропорции эти наглядно подтверждают тезис о прямой связи *auctoritas* говорящего с его статусом, с одной стороны, и причастностью к религиозным таинствам, с другой. Обращает на себя внимание, что число ораторов-немагистратов (28) оказывается примерно в половину меньше, чем число известных сходок с их участием (60): многие из них выходили на трибуну в этом качестве не один раз. По количеству выступлений среди *privati* лидируют *principes civitatis* (так, Помпей произнес как частное лицо 9 речей, Цезарь – 4 из известных 7 его речей на сходках, Цицерон – 9 из 12, Катон Утический – 3 из 5). Стремление выступать перед народом в промежутках между занятием общественных должностей объяснимо, по мнению автора, заинтересованностью политика в постоянном подтверждении своих *fama* и *auctoritas*, – свойств в высшей степени субъективных и легко утрачиваемых. Уязвимость положения частных лиц заключалась в том, что их возможности добиться выступления в собрании были ограничены – лишь магистрат был вправе и волен созывать сходку и давать слово немагистрату. Невозможность получить доступ к трибуне законным путем зачастую была причиной политического краха – пример Катгилины, по мнению автора, наилучшее подтверждение тому. С *potestas contionandi*, которой были наделены лишь магистраты, Ф. Пина Поло связывает существование практики представительства, при котором определенные идеи проводились через магистрата-союзника (к этой стратегии приходилось прибегать прежде всего полководцам, надолго отлучавшимся из Города), и посредничества, подразумевавшего содействие магистрата желающему выступить. Оратору либо давалось слово по уговору (*contionem dare*), либо он приглашался на сходку, специально созванную для него, чтобы народ мог выслушать его веское мнение по какому-то животрепещущему вопросу (*producere in contionem*). Частному лицу приходилось считаться с возможными ограничениями: известны случаи урезания регламента и принуждения говорить *ex inferiore loco*. Ф. Пина Поло расценивает их как явное свидетельство того, что слово в собрании могло предоставляться и политическим противникам, делая вывод, что свобода слова в Риме допускала одновременную презентацию разных мнений в собрании. Кажется, автор упускает в данном случае из виду цели, с которыми это делалось: учитывая семантику организации пространства, религиозную окрашенность его восприятия римлянами⁴, трудно

³ Автор отсылает читателя к своей книге (*Las contiones civiles*. P. 244–313).

⁴ *Кнабе Г.С.* Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие Республики») // ВДИ. 1994. № 4. С. 65.

не оценить глубины заведомого неравенства условий, в которых внезапно оказывался приглашенный немагистрат. Речь должна скорее идти о политическом трюке, преследовавшем цель опорочить противника, чем о свободе слова, призванной обеспечить право народа на полноту информации и выбор разных точек зрения.

Среди магистратов, о выступлениях которых на сходках сохранились сведения, явно лидируют плебейские трибуны (из 90 известных нам ораторов 41 выступал с речью лишь во время своего трибуната). Преобладание этой группы особенно очевидно в сравнении с другими, среди коих оказывается всего лишь 30 консулов, менее 10 преторов, остальные же магистраты предвостыены скорее как исключение. Активность плебейских трибунов объяснима особенностями римской системы прохождения общественных должностей: только на сходках молодой человек, еще не достигший претуры, мог обнаружить дар политического оратора, так как курия для него была закрыта; лишь трибунат давал ему шанс добиться признания и славы оратора-политика уже на раннем этапе карьеры. В то же время Ф. Пина Поло отмечает малую вероятность того, что трибун, критически настроенный по отношению к *boni*, мог использовать свою должность, чтобы облегчить себе карьеру – ведь не народ, а элита определяла выбор консула или претора. Распространенная точка зрения, согласно которой популярными были «высочки», использовавшие народ в личных, карьеристских целях, не разделяется автором.

При ответе на вопрос, каковы были способы влияния на общественное мнение в позднереспубликанском Риме, традиционно учитывается лишь роль сочинений всевозможного рода – стихов, памфлетов, речей, распространенных в рукописях. Согласно Ф. Пина Поло, значение письменно зафиксированных текстов неоправданно переоценивается в этой связи. Позволить себе иметь и читать манускрипты могли лишь лица, принадлежавшие к высшим слоям, чью точку зрения и пытаются обычно отождествить с «мнением общества». Автор убедительно показывает, что понятие это должно толковаться в широком смысле и включать не только взгляд элиты, но и всех граждан (*consensus hominum, fama, existimatio* или *opinio vulgi*). В Риме именно сходки были формальным коммуникативным каналом, где общение представителей власти с гражданами осуществлялось напрямую, и автор справедливо предполагает, что именно в *contiones* и именно посредством публичного выступления могло быть оказано прямое или косвенное влияние на формирование общественного мнения. Ф. Пина Поло вслед за Ф. Милларом⁵ подчеркивает, что в собрании оратор имел дело с анонимным адресатом – пестрым по своему социальному составу коллективом граждан, который как целое не был связан с говорящими отношениями патрона-клиенты. Целостное впечатление от оратора лично, а не только от содержания его речи имело известное влияние на его политическую карьеру. Доступ к трибуне открывал блестящую возможность субъективной подачи фактов – с целью возвеличить себя или опорочить соперника; искусно поданные в публичном выступлении детали провоцировали появление в народе толков, крайне опасных для конкурентов оратора. Слухи, возникавшие в *contiones*, ощущались элитой как реальная угроза. Предметом обсуждения и осуждения всегда были люди, а не идеи. Под прицелом оказывался прежде всего нравственный облик сенатора; избличение моральное в речах было равнозначно уничтожению политической репутации. Мобилизация общественного мнения в собрании, как правило, предшествовала официальному обвинению того или иного лица и слушанию дела в *iudicia publica*; кампания в *contiones* закономерно влекла за собой не только судебный процесс, но и приговор. Последствия речи в собрании, провоцирующей появление слухов, были тем страшнее для *boni*, что их большинство, будучи частными лицами, не могло даже выступить в свое оправдание и защиту; особенно эффективными оказывались атаки на политиков, находившихся вдали от Рима.

Понятно раздражение Цицерона, прорывающееся у него зачастую, когда речь заходит о сходках: оценки его крайне субъективны, суждения несут отпечаток личной заинтересованности, с одной стороны, и политико-философских воззрений, с другой. Суть взглядов оратора раскрывает защита Клуенция, построенная целиком на попытке сломить устоявшийся стереотип, убедить публику и судей, что слухи, возникающие в *contiones* и разносимые малообразованными людьми, не просто несправедливы по отношению к *boni*, незаслуженно ввергая их в опасность, но и не могут, не должны учитываться в суде как доказательство вины.

Целью выступления в *contiones* могло быть не только распространение некоей идеи,

⁵ Millar F. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. 74. P. 1–19; *Idem*. Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. 76. P. 1–11.

которая впитывалась большинством и становилась основой общественного мнения (как в случае со слухом о предательстве Антония и спасительной для Рима миссии Октавиана). Речь могла и организовывать собравшихся, поощрять их к какому-либо совместному массовому действию (как это было во время процесса против Милона, осуждения присяжных в *iudicium Iunianum*, решения вопроса об изгнании Цицерона). Кажущееся единообразие поведения народной массы на сходках оставляет впечатление, что вся она была побуждаема к действию неким общим импульсом. Этим объяснима склонность историографии персонифицировать группу, собравшуюся в *contiones*, и приписывать ей известное единство взглядов. Против подобного рода интерпретации предостерегают современные исследования в области поведения масс⁶. Народ в Риме, в самом деле, постоянно пытались «привести в движение»; как правило, именно на его активизацию и были направлены действия того или иного политического лидера эпохи гражданских войн. Однако ни одно из известных «движений» в римском обществе не имело целью привлечение народа на свою сторону для изменения существующих порядков. «Мобилизации» общественного мнения оставались сиюминутными; повторение попыток организовать собравшихся на сходку свидетельствует лишь о безуспешности попыток предшествующих, последствия их в любом случае были кратковременными.

Невозможность долго оказывать влияние на народ остро ощущалась многими политическими деятелями, старавшимися поэтому добиться продления своих трибунских полномочий. После Гая Гракха и Сатурнина действия такого рода были запрещены. Удивляет интуиция и пронизательность Клодия: ему дольше всех удавалось сохранять свое влияние в народе благодаря систематическим выступлениям на сходках. Легального и практически постоянного доступа к трибуне в *contiones* он достиг, оптимально используя возможности, предоставляемые квестурой, трибуналом, эдилитетом, а в промежутках между ними – опираясь на поддержку друзей среди магистратов. Свою активность в собрании Клодий ловко сочетал с деятельностью в им же самим созданных коллегиях. По мнению Ф. Пина Поло, он единственный, кого, хотя и с натяжкой, можно назвать «лидером общественного движения».

Прекрасное знание современных политологических и социологических теорий – одно из достоинств автора и его работы. Прибегает он к ним весьма осторожно, прокламируя неприменимость к реалиям Римской республики многих терминов, выработанных в результате изучения социально-политических структур Нового времени. Так, Ф. Пина Поло последовательно возражает против употребления понятий «общественно-политическое», «демократическое» движение. Однако отказ от модернизаторства как принцип в целом не выдерживается по ходу работы. Автор, как кажется, несколько осовременивает общественные отношения Поздней республики, преувеличивая роль целеполагающей деятельности не только отдельных политиков, но и целых социальных групп. Проявляется это прежде всего в словоупотреблении – политические «планы», «программы» – подобная терминология противоречит отмечаемым самим автором ситуативности и кратковременности действия тех или иных политических выступлений в собрании, составляющих особенность мобилизации общественного мнения в Риме. Далее, что обстоятельно, что первые учебники риторики были написаны «представителями элиты – сенаторами и всадниками», Ф. Пина Поло истолковывает как попытку «аристократии» «монополизировать не только право слова, но и само обучение искусству речи, так как владение им было равнозначно приобретению власти» (с. 91). Может быть, проще было бы в данном случае искать причины, а не глобальные цели, тем более, что объяснение очевидно: именно представители высших слоев располагали не только достаточным свободным временем и материальными условиями для написания руководств по риторике, но и избытком теоретических и практических сведений о том, каким должен быть оратор и его искусство, почерпнутыми, к тому же, зачастую в кругу семьи или в далеких (и дорогостоящих) заморских путешествиях. К тому же, если следовать рассуждениям автора, пытающегося оспаривать положения В. Харриса⁷ о широкой распространенности грамотности в Риме, дорогостоязна манускриптов должна была безнадежно ограничивать хождение и использования подобного

⁶ Turner R.H., Killian L.V. *Collective Behavior*. N.Y., 1957; Heberle R. *Types and Functions of Social Movements* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*, XIV. N.Y., 1968. P. 438–444; Hobsbawm E.J. *Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movements in the 19th and 20th Centuries*. Manchester, 1959; McCarthy J.D., Zald M.N. *Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory* // *American Journal of Sociology*. 1977. 82. P. 1212–1241.

⁷ Harris W.V. *Ancient Literacy*. Cambr., 1989.

рода пособий более широкими слоями, нежели сенаторское и всадническое, и лишала всякого смысла прокламируемую в книге борьбу за монополию если уж не на само искусство речи, то на его преподавание.

Справедливо отмечая, что пространственное положение оратора в собраниях символизировало не только культурное, но и моральное и политическое превосходство, автор недооценивает значение религиозного восприятия организации самого этого пространства. Между тем, те наблюдения, которые делались в этой связи на материале римских судов⁸, могли бы дополнить аргументацию автора, касающуюся религиозной окрашенности любого выступления и в собраниях. В то же время некоторые аргументы, приводимые в поддержку этого тезиса в книге, хронологически соотносимы не только с временами Поздней республики, но значимы и для Ранней империи: этимология слова *orator* живо ощущалась и современниками Тацита (*Tac. Dial.* 1.1; *Quint. Inst. orat.* 12.1.2, 24). Цитата из речи Апра в диалоге, на которую ссылается Ф. Пина Поло⁹, представляет собой метафору и лишь из нее одной неясно, насколько она была традиционна или оригинальна, насколько тесна была связь между прямым и переносным смыслом для современников Тацита, не говоря уже о том, как она могла быть воспринята в I в. до н.э. Вопрос, насколько живо было религиозное восприятие оратора при принципсах, очень интересен. Наблюдения Ф. Пина Поло – важное подспорье в возможном решении этой проблемы.

Рецензируемая книга наводит на размышления о судьбе искусства публичного слова в I в. н.э. Вкратце обрисовывая перспективу эволюции ораторского искусства при Империи, автор не избегает иногда натяжек и упрощений, которые естественны, – подобный экскурс, собственно, и не составлял особой исследовательской задачи в книге, целиком ограниченной временем Поздней республики. Взгляд Ф. Пина Поло интересен тем, что он вполне характерен для современного состояния историографии, рассматривающей имперское ораторское искусство, как правило, не специально, а исходя из республиканского. Типичен акцент на диалоге Тацита «Об ораторах» – сочинении сложном, многоплановом, трактовка которого лишена однозначности. Упрощенными кажутся рассуждения о тенденции развития ораторского искусства I в. н.э. на основе лишь одного этого трактата, понимаемого зачастую прямолинейно. Так, настаивают на заверениях Ф. Пина Поло в том, что *tirosinium fōgi* при империи не был возможен, что риторика уже не имела практического значения, выродившись в чистую теорию и ограничившись лишь сферой упражнений в декламациях. В качестве подтверждения этого тезиса Ф. Пина Поло (как это уже не раз случалось в литературе) ссылается на речь Випстана Мессаллы (*Tac. Dial.* 34.1 sqq.), которая, однако, сохранилась не полностью и обрывается как раз там, где персонаж Тацита, сравнивая систему образования при республике и империи, переходит к последней. Лакуна обозначает как раз то место, где герой должен был по логике завести речь о *tirosinium fōgi*. Чем закончились его рассуждения, куда ведут приводимые параллели, неизвестно; будущий историк, усердно ловивший каждое слово своих наставников (*Tac. Dial.* 2.1), как многие молодые люди его возраста (*Tac. Dial.* 20.4), Квинтилиан, следовавший за Домицием Афроном буквально по пятам (*Inst. orat.* 2.4.26; 5.7.7; 10.1.86; 10.1.102; ср. также многочисленные отсылки к личным воспоминаниям об ораторах, которых ритор видел и слушал в том числе и будучи юношей – *ibid.* 1.5.24; 1.11.10; 2.8.14; 5.6.6; 8.3.31; 8.5.21; 8.5.24; 10.1.118; 12.10.11; 12.11.3; 12.5.6), – лучшие примеры желания юношества I в. н.э. учиться ораторскому мастерству, а значит, престижности и жизнеспособности искусства слова. Широта практического применения советов, собранных в трактате Квинтилиана, укорененность их в действительности Ранней империи, а не только теоретических дискуссиях, утративших якобы целиком связь с реальностью первого века новой эры, была подчеркнута Дж. Круком¹⁰. Структурные сдвиги, связанные с изменением социально-политической роли публичной речи с наступлением империи, были несомненно более сложны. Преждевременно судить о них на основании одного лишь диалога Тацита в отсутствие сколько-нибудь специального и систематического исследования всех свидетельств, касающихся теории и практики ораторского искусства, роли и места оратора в структуре римского общества I в. н.э., реконструкции не только частных деталей, но и общей, целостной картины ценностей и представлений, связываемых с ораторским искусством не только незаурядными писателями, но и массовым сознанием. В этой связи заслуживают особого

⁸ См. прим. 4.

⁹ *ipsa eloquentia, cuius numen et caelestis vis multa quidem omnibus saeculis exempla edidit, ad quam usque fortunam homines ingenii viribus pervenerint* (*Dial.* 8.2).

¹⁰ *Crook J.A. Legal Advocacy in the Roman World. L., 1995. P. 167, 169 f.*

внимания и рассуждения автора рецензируемой работы о роли публичного выступления для создания имиджа отдельных сенаторов и сенаторского сословия в целом.

Книга Ф. Пина Поло, таким образом, представляет читателю не только целостную концепцию и характеристику политической роли свободного слова в свободном обществе, но и наводит на мысль о необходимости исследования, так сказать, реликтовых элементов этой роли, которые, возможно, сохраняли известное значение и при Ранней империи. Актуальность темы, глубина источниковедческого анализа, четкость концепции, емкость и в то же время краткость изложения в книге побуждают обратить на нее внимание отечественного читателя.

О.Г. Колосова

M. Hose. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart – Leipzig: BG. Teubner, 1994. XII, 522 S.

Изучение античной историографии началось еще в древности, интерес к ней не ослабевает и по сей день, о чем свидетельствует неиссякающий поток посвященных ей монографий, статей и комментариев. Однако предметом целостного анализа является обычно творчество какого-то одного *regum scriptoris*, исключения же из этого правила редки. К их числу относится и книга немецкого исследователя Мартина Хозе «Обновление прошлого: историки в эпоху Римской империи от Флора до Диона Кассия».

Во введении (гл. 1, с. 1–4) автор констатирует, что в I в. н.э. произошел разрыв с некоторыми традиционными направлениями греко-римской историографии (почти отсутствуют труды по всеобщей истории и истории Рима *ab Urbe condita*), зато начиная с Кремуция Корда до Тацита развивается историография современности (*Zeitgeschichtsschreibung*). Однако после Тацита представители просенатской *Zeitgeschichtsschreibung* нам более не известны, зато, напротив, происходит ренессанс угасших было в I в. н.э. жанров всеобщей и римской истории *ab origine*. При этом происходит «смена парадигм»: греки Кефалион, Клавдий Харакс, Аппиан, Дион Кассий продолжили традиции Диодора, Тимагена и Николая Дамасского, а римляне Флор, Граний Лициниан, Вибий Максим – традиции Ливия. Возникает вопрос, что привело к подобным изменениям. Причем, как отмечает Хозе, «причины ренессанса историографии как универсальной истории нужно искать не столько в чисто литературных факторах, сколько во вновь пробудившемся интересе к подобного рода историописанию» (с. 4). Более конкретному выяснению этих причин и посвящена рецензируемая работа.

Во второй главе (с. 5–18) автор рассматривает роль истории в школьном преподавании периода Ранней империи. Указывается, что в элементарном и грамматическом образовании греков она не играла роли, однако исторические темы использовались в качестве основы для сочинений и декламаций. При этом обычно ограничивались фактами, содержащимися у авторов классической эпохи – Геродота, Фукидида, Ксенофонта, десяти ораторов¹. Нескольким иной была ситуация в римской школе, где исторический материал осваивался главным образом при чтении «исторического эпоса» – «Анналов» Энния и «Энеиды» Вергилия. Чтение эллинских и римских историков давало будущим ораторам широкие познания, использовавшиеся в декламациях на исторические темы. При этом греческие риторы, как и в преподавании, ограничивались классическим периодом своего собственного прошлого и не обращались к прошлому Рима, тогда как римляне брали примеры как из родной, так и из греческой истории².

В третьей главе (с. 19–52) разбирается вопрос о значении историографии вне системы образования, о формах рецепции историографии и о функциях последней. Автор отмечает,

¹ При изучении греческой истории акцент на классический ее период сохранялся еще в VI в. См.: Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский. Войны с персами. Войны с вандалами. Тайная история*. М., 1993. С. 423.

² Любопытно, однако, отметить, что греческие авторы писали о римской истории неизмеримо чаще, чем римские о греческой.